

Василий Мантуленко

Без сигнала

Василий Мантуленко

Без сигнала

«Автор»

2026

Мантуленко В.

Без сигнала / В. Мантуленко — «Автор», 2026

Антону Рекалову тридцать шесть. Он копирайтер, разведён, живёт один — и формально никогда не бывает в одиночестве: сотни контактов, десятки чатов, женщина по имени Марина, с которой он переписывается уже пять месяцев и которую ни разу не видел вживую. Экран его телефона гаснет и загорается тысячи раз в день, заменяя собой рукопожатия, разговоры, взгляды. Но однажды ночью, когда сердце вдруг начинает колотиться так, что кажется — это конец, Антон листает список контактов в поисках того, кто сможет приехать. И впервые понимает: среди двухсот сорока трёх имён нет ни одного, кому можно позвонить с уверенностью, что дверь через двадцать минут откроет живой человек. «Без сигнала» — психологический роман в жанре философской прозы с элементами хоррора, написанный в традиции мопассановского «Орля»: о тотальной цифровой связанности, которая незаметно оборачивается абсолютным одиночеством, и о человеке, который, разбив все зеркала в поисках чудовища, находит за ними лишь собственную пустоту.

© Мантуленко В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИЛЛЮЗИЯ БЛИЗОСТИ	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	11
Глава 6	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Василий Мантуленко

Без сигнала

БЕЗ СИГНАЛА

роман

«Мы одиноки, мы всегда были одиноки, а сегодня одиночество лишь научилось притворяться обществом».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИЛЛЮЗИЯ БЛИЗОСТИ

Глава 1

Я просыпаюсь не от света и не от звука будильника, а от вибрации — короткой, требовательной, похожей на укус. Телефон лежит рядом с подушкой, там же, где вчера лежала бы рука другого человека, если бы он существовал. Экран загорается раньше, чем открываются мои глаза: я чувствую его свет сквозь веки, розовато-серый, как утро, которого нет за окном.

Тридцать семь непрочитанных. Два личных сообщения, одно письмо от клиента, остальное — шум: лайки, комментарии, кто-то отметил меня под чужой фотографией. Я читаю их в том порядке, в каком они пришли, будто в этом есть какая-то правда, какая-то иерархия смысла. На самом деле порядок один — хронологический, слепой, ничего не значащий, но я всё равно верю, что если прочитать всё по порядку, что-то сложится. Так верят в гадание по картам.

Меня зовут Антон Рекалов. Мне тридцать шесть. Я пишу тексты для чужих брендов — рекламные слоганы, посты, «контент», как это теперь называют, — и делаю это хорошо, потому что умею находить слова, которые кажутся тёплыми, даже если внутри них пусто. Я развёлся четыре года назад, детей нет, живу один в квартире на девятом этаже, из окна которой видно ещё одиннадцать таких же домов, в каждом — тысячи окон, и я не знаю ни одного человека за ними.

Отец звонил мне на день рождения — по-настоящему звонил, голосом, — и разговор длился четыре минуты четырнадцать секунд, я потом посмотрел в журнале вызовов. «Как дела, сын?» — «Нормально, пап, работаю». — «Ну, работай». Между нами всегда было мало слов, и раньше я думал, что это особенность нашей семьи, что-то вроде наследственной немногословности северных мужчин. Теперь я думаю иначе: может быть, дело не в характере, а в том, что у нас никогда не было практики — только редкие звонки по праздникам, как контрольные звонки на подводной лодке, чтобы убедиться, что связь ещё держится, хотя говорить, собственно, не о чем, потому что вся жизнь проходит где-то между этими звонками, невидимо друг для друга.

Мать умерла шесть лет назад. От неё осталась привычка — я заметил её только сейчас, лёжа в темноте, — здороваться с людьми в лифте. Она всегда это делала, даже с незнакомыми: «Доброе утро». Я перестал делать это примерно тогда же, когда завёл первый по-настоящему активный аккаунт в сети, году, наверное, в двадцать девятом. Совпадение это или нет — не знаю, но факт остаётся фактом: где-то в это время я разучился здороваться с людьми, чьи лица вижу, и научился отвечать людям, чьих лиц не вижу никогда.

Зато я знаю Марину_K, с которой переписываюсь каждый день последние пять месяцев.

Я не видел её лица. То есть видел — на аватарке, на нескольких фотографиях, которые она присылала: море, кофе на подоконнике, тень от жалюзи на её руке. Но я не знаю, как звучит её смех, не знаю, какая она на ощупь, не знаю даже наверняка, существует ли она в том виде, в каком существует для меня. И тем не менее — если бы меня спросили сегодня утром, кто в моей жизни знает меня лучше всех, я бы, не думая, назвал её имя.

Это меня и пугает — сейчас, когда я пишу эти строки при свете экрана в шесть утра. Не то, что я ей доверяю. А то, с какой лёгкостью я разучился отличать доверие от привычки.

Я встаю, иду на кухню, ставлю чайник — и по дороге успеваю ответить на два сообщения, поставить лайк под фотографией бывшего одноклассника с новорождённым ребёнком (у меня внутри при этом ничего не шевелится, ни радости, ни зависти, только рефлекс большого пальца), и открыть почту, где клиент уже в семь утра прислал правки к тексту про «уют, кото-

рый начинается с малого». Чайник закипает. Я не слышу этого — слышу только через тридцать секунд, когда он выключается сам, потому что все эти тридцать секунд я был не на кухне, а внутри маленького прямоугольника света в руке.

Глава 2

Марина пишет мне в семь пятнадцать: *«Не спится. А тебе?»*

Я отвечаю мгновенно — не потому что жду её слов с нетерпением (хотя, наверное, и поэтому тоже), а потому что руки уже держат телефон, потому что это самое естественное движение дня, естественнее, чем встать с кровати.

«Тожже. Думал о том разговоре вчера», — пишу я, хотя ни о чём таком не думал, просто это кажется правильным продолжением, тем, что от меня ожидается, тем, что подходит по тону. Я давно заметил, что в переписке с ней — да и вообще в переписках — я не столько говорю, сколько подбираю реплику, которая красиво впишется в диалог, как подбирают следующий кадр для монтажа.

«Знаешь, — пишет она, — иногда мне кажется, что ты единственный, кто меня правда слышит».

Я читаю эту фразу три раза. Внутри что-то тёплое и одновременно пустое разворачивается, как будто мне протянули чашку с горячим воздухом вместо чая — форма тепла есть, самого тепла нет. Но я всё равно улыбаюсь в темноте комнаты. Один. Экрану.

«А знаешь, — пишу я, решившись вдруг на что-то большее, чем обычно, — я ведь даже не знаю толком, кто ты. Пять месяцев, а я не знаю твою фамилию, где ты выросла, боишься ли ты высоты. Странно, да?»

Пауза длиннее обычной — секунд сорок, что для нашей переписки почти вечность, там, где ответы обычно прилетают за считанные секунды. Я успеваю навоображать себе, что задел её, что вопрос прозвучал резче, чем хотел, — и уже собираюсь написать «извини, не обращай внимания», когда приходит ответ:

«Не странно. Иногда лучше знать человека по тому, что он чувствует, а не по анкетным данным. Разве нет?»

Формулировка настолько гладкая, настолько лишённая шероховатости живой реакции на неудобный вопрос, что я на секунду — только на секунду, тогда я ещё не придаю этому значения — чувствую едва уловимый холодок, будто дверь приоткрылась в комнату чуть более пустую, чем ожидалось.

Но холодок проходит быстро. Я отвечаю: *«Наверное, ты права»*. И пишу дальше: *«Ты тожже. Иногда мне кажется, что кроме тебя у меня никого и нет»*.

И вот эта фраза — правда. Абсолютная, буквальная, без всякой риторики.

Глава 3

В десять утра — звонок в дверь. Соседка с четвёртого этажа, немолодая женщина, которая иногда просит меня донести пакеты, стоит на пороге с банкой домашнего варенья.

— Вот, наварила, думаю, дай угощу соседа, — говорит она, протягивая банку. — Из своей смородины, с дачи ещё привезла, представляешь, в этом году такой урожай, что девать некуда.

— Спасибо, — говорю я, беру банку — тёплая ещё, только что закрытая крышка чуть скрипит под пальцами, — не знаю, куда деть все руки, потому что в другой руке у меня, конечно, телефон, я даже дверь открыл, не выпуская его.

— Ты как вообще? — спрашивает она, заглядывая мимо меня в квартиру, будто выискивая признаки жизни. — Похудел что-то. Ешь нормально?

— Ем, — говорю я неопределённо. — Работы много.

— Работы, работы, — качает она головой с той интонацией, с какой старшее поколение произносит слово «работа», подразумевая под ним нечто среднее между оправданием и диагнозом. — Ты бы вышел куда, что ли. Погода вон какая.

Я киваю, соглашаюсь, зная, что не выйду, — и в этот момент понимаю, что не помню её имени. Мы знакомы три года. Я поднимался с ней в лифте не меньше сотни раз. Помогал донести стиральную машину нового образца, которую ей привезли по ошибке слишком тяжёлой для неё одной, — тащили вдвоём, она командовала «левее, левее», а я пытался по коридору, чуть не уронив коробку себе на ногу. И всё равно — имя стёрлось, как будто его никогда и не было записано в какой-то части памяти, отведённой для живых людей.

Зато я мог бы с закрытыми глазами описать аватарку Марины_К. Цвет обоев в её последней переписке с фоткой комнаты — бледно-зелёный, с еле заметным цветочным узором. То, что она пьёт кофе без сахара, но с корицей. То, что у неё, по её словам, есть кот по кличке Дым, серый, с одним жёлтым и одним голубым глазом, — она присылала фотографию, хотя я, кажется, не видел на ней ничего, кроме размытого силуэта на подоконнике.

— Как вас зовут? — спрашиваю я, и вопрос звучит настолько нелепо после трёх лет соседства, что женщина смеётся, думая, что я шучу.

— Валентина Петровна же, Тош, ты что, — говорит она с лёгким укором, но без обиды, скорее с той снисходительностью, с какой прощают чудачества человеку, который явно не выпался. — Совсем там у себя в компьютере закопался.

В её голосе я слышу то самое тепло, которого не было в переписке с Мариной — настоящее, шершавое, неидеальное, с лёгкой хрипотцой человека, который курил лет тридцать назад и до сих пор говорит с той характерной интонацией. Но оно длится десять секунд, а потом дверь закрывается, и я снова один в коридоре с банкой варенья в руках, которую даже не знаю, куда поставить, потому что все полки на кухне заняты вещами, которые я купил, но так и не открыл, — соковыжималкой, набором для заваривания чая, коробкой с книгами, которые я собирался прочесть в отпуске три года назад.

Глава 4

Вечером — рабочий созвон с клиентом, безымянным брендом бытовой техники, для которого я пишу «эмоциональные тексты о простых радостях». Камеру никто не включает — за три года такой работы я забыл, как выглядит лицо большинства людей, с которыми веду переговоры еженедельно. Голоса из динамика — ровные, деловые, слегка искажённые компрессией звука, будто говорят не люди, а хорошо натренированные версии людей. Я обсуждаю с этими голосами концепцию рекламной кампании про «настоящую близость в каждом доме» — слоган, который я же и придумал две недели назад, сидя на этой самой кухне, вымучивая из себя слово «настоящую», хотя ничего настоящего в моей жизни в тот вечер, кажется, не происходило вовсе.

— Антон, смотрите, тут маркетинг просит усилить эмоциональную составляющую, — говорит голос, кажется, женский, кажется, зовут его Ирина, хотя я не уверен даже в этом: имена клиентов у меня давно слились в общий, взаимозаменяемый список. — Нужно, чтобы люди почувствовали, что этот чайник — это не просто чайник, а забота о близких.

— Понял, — говорю я. — Добавлю деталь про утро, про то, как пар от чайника напоминает дыхание любимого человека рядом.

— О, отлично, красиво, — говорит голос с явным одобрением. — Вот именно такое тепло и нужно.

Ирония этого момента настолько плотная, что на секунду мне хочется рассмеяться в трубку — рассказать этим голосам, что человек, придумывающий им фразы про дыхание любимого рядом, не помнит, когда в последний раз слышал чужое дыхание в собственной постели, — но я сдерживаюсь и говорю только: «Да, здесь важно показать именно ощущение тепла, а не просто продукт».

После звонка я долго сижу в темноте кухни, не включая свет.

Экран телефона на столе гаснет сам, по таймеру. Чёрный, гладкий прямоугольник. Я смотрю на него — и вижу в нём своё отражение: тёмный контур лица, две тени вместо глаз, размытые контуры кухни за спиной. Раньше я не замечал, что чёрный экран — это тоже зеркало. Просто зеркало, в котором не видно деталей. Только форма. Только силуэт того, что должно быть тобой.

Я сижу так минут пять, глядя в это тёмное отражение, пытаюсь разглядеть в размытом контуре хоть что-то узнаваемое — форму носа, линию челюсти, — но темнота слишком плотная, а экран слишком гладкий, чтобы удержать в себе что-то, кроме общего силуэта. А потом телефон вибрирует снова — сообщение от Марины — и отражение исчезает, вытесненное светом уведомления.

Глава 5

Из заметок, которые я начал вести на телефоне (не знаю зачем — может быть, чтобы хоть что-то принадлежало только мне, без адресата):

«Сегодня подсчитал: за день я коснулся экрана телефона 2140 раз. Это данные из настроек — там теперь есть такая функция, "экранное время", как будто здоровье измеряется в часах, проведённых в потоке чужих слов.

2140 касаний. И ни одного — человеческой кожи, кроме рукопожатия курьеру, который привёз обед.

Странно то, что я не чувствую в этом трагедии. Я чувствую в этом порядок вещей. Будто так было всегда и будет всегда, и вопрос "а раньше было иначе?" звучит так же нелепо, как вопрос "а раньше не было электричества?" — теоретически да, но невозможно себе представить, как жили без него.

Попробовал вспомнить, когда в последний раз кто-то трогал меня — не случайно, в толпе, а намеренно, с теплом. Рукопожатие на встрече с клиентом не считается — оно короткое, формальное, оба участника рады, что оно закончилось. Объятие матери на похоронах отца её подруги, куда я зачем-то поехал два года назад, — вот, кажется, последнее, что приходит на ум. Два года. Я записываю эту цифру и долго на неё смотрю, будто она принадлежит не мне, а какому-то персонажу из статьи про одиночество, которую я сам же, возможно, когда-то писал для чужого блога о психологии».

Глава 6

Прошла неделя. Ничего не случилось — и в этом всё дело: неделя прошла ровно, гладко, как проходят недели у человека, чья жизнь устроена так, что в ней нет трения. Работа приходит и уходит по расписанию. Марина пишет мне утром и вечером, иногда днём — короткие всплески внимания, разложенные по дню так аккуратно, что я мог бы, наверное, предсказать время следующего сообщения с точностью до пяти минут.

Мы никогда не звонили друг другу. Она однажды предложила — «может, созвонимся?» — и я согласился, но в последний момент она написала, что «что-то не в настроении говорить голосом», и мы вернулись к тексту. Я не настаивал. Если честно, я и сам испытал облегчение. Голос — это слишком много информации. Голос может дрожать, запинаться, выдавать то, что текст успевает отредактировать за те несколько секунд, что уходят на набор сообщения.

В переписке я — лучшая версия себя. Остроумный, чуткий, спокойный. Мужчина, у которого всегда есть точное слово для чужой боли. В жизни я теряю эту версию себя, как теряют перчатку — где-то между лифтом и улицей, не заметив момента.

В среду мне звонит Дима — один из немногих людей, оставшихся со мной со школы, — предлагает встретиться, «посидеть по-нормальному, а то ты совсем пропал». Я соглашаюсь с той же готовностью, с какой соглашаюсь на всё, что требует минимального усилия в моменте и откладывается на неопределённое «на этой неделе». Мы договариваемся на пятницу. В четверг он присылает сообщение: «Слушай, у меня форс-мажор, давай на следующей». Я пишу «конечно, без проблем» — и чувствую, к своему стыду, отчётливое, почти физическое облегчение, будто мне только что вернули вечер, который я боялся потратить не на экран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.